

DOI 10.23859/1994-0637-2020-5-98-2

УДК 81'42

© Драчева Ю. Н., Ильина Е. Н., 2020

Драчева Юлия Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
ORCID 0000-0001-8709-3470
E-mail: yulia.dracheva@mail.ru

Dracheva Iuliia Nikolaevna

PhD in Philology, Associate Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
ORCID 0000-0001-8709-3470
E-mail: yulia.dracheva@mail.ru

Ильина Елена Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
ORCID 0000-0002-1797-8959
E-mail: filfak@list.ru

Ilyina Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
ORCID 0000-0002-1797-8959
E-mail: filfak@list.ru

**МЕДИАОБРАЗ ДЕРЕВЕНСКОГО
ПРЕСТОЛЬНОГО ПРАЗДНИКА
«ИЛЬИН ДЕНЬ» В
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ И
ЛИНГВОЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ
АСПЕКТАХ**

**THE MEDIA IMAGE OF
THE VILLAGE PATRON SAINT
ELIJAH'S DAY
IN LINGUOCULTURAL AND
LINGUOEPISTEMOLOGICAL
ASPECTS**

Аннотация. В статье рассматривается понятие прототипа медиаобраза и анализируется медиаобраз престольного праздника «Ильин день» в Кирилловском районе Вологодской области. Прототип медиаобраза представлен как вербально выраженное описание деревенского праздника в форме воспоминаний его участников – жителей деревни Борбушино. Медиаобраз Ильина дня моделируется на основе региональной прессы и сопоставляется с прототипом. Фиксируется значительная степень упрощения фрейма праздника, его медиатизация, вторичный характер, а также влияние на него иных форм культуры (массовой, дворянской, постмодернистской).

Ключевые слова: массовая коммуникация, медиаобраз, прототип медиаобраза, Ильин день, массовая культура, дворянская культура, культура постмодернизма

Abstract. The article discusses the concept of a media image prototype and analyzes the media image of St. Elijah's day festivities in the Kirillovsky district of Vologda region. The authors present the prototype of the media image as verbally expressed description of the village holiday according to memories of people who lived in the village of Borbushino and took part in this holiday. St. Elijah's day media image is modeled on the basis of the regional press and compared with its prototype. The study indicates significant simplification of the festivity frame, its mediation, and secondary character, as well as the influence of other forms of culture (mass culture, culture of nobility, culture of postmodernism).

Keywords: mass media communication, media image, prototype of a media image, St. Elijah's day, mass culture, culture of nobility, culture of postmodernism

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (созда-

ние электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского района Вологодской области)»).

Введение

Медийные практики последнего времени все чаще являются основой для формирования комплексных представлений о чем-либо, иногда оставаясь для потребителей медиапродукта единственным источником знаний о том или ином феномене действительности. Лингвокогнитивный подход к изучению вербальной составляющей медиасреды позволяет проследить этапы становления медиаобраза, а также провести анализ его структуры при сопоставлении с прототипом.

Останавливаясь на теоретических предпосылках данной статьи, прокомментируем два ключевых термина. Под *медиаобразом* мы понимаем «активную когнитивную (ментальную) структуру, которая функционирует в медиадискурсе, получает моно- или поликодовое воплощение в медиатексте и использует другие когнитивные структуры для осуществления информационного трансфера в сфере массовой коммуникации»¹. Медиаобразы формируются в медиасреде и аккумулируют когнитивные структуры знания, приспособляя их к восприятию аудитории. В то же время целесообразно рассматривать *прототип медиаобраза* как когнитивную структуру, которую можно описать в виде вербализованного представления, верифицирующего медиаобраз. В данной статье мы сознательно не обращаемся к вопросу о прототипе медиаобраза как феномене объективной действительности, поскольку в этом случае было бы затруднительно выполнять сравнительное описание разнородных объектов. Основой медиаобраза в современной медиасреде может быть признан поликодовый (видеовербальный) текст², поэтому ему должен соответствовать вербально выраженный прототип, максимально приближенный по степени аутентичности к соответствующему феномену действительности. В этом случае базой для сравнения служит не сам объект окружающей реальности, а его когнитивное преломление в вербальной практике людей, имеющих к нему непосредственное отношение.

Целью данной статьи является описание медиаобраза и его вербально выраженного прототипа на примере медиаобраза деревенского престольного праздника «Ильин день» в региональной медиасреде, для моделирования которого используются материалы новостных и информационных порталов, районной прессы Кирилловского района Вологодской области, а также сайта Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. В качестве прототипа медиаобраза выступают, с одной стороны, данные научных исследований, посвященных образу Ильи-пророка в мировой и традиционной народной культуре, с другой стороны, собираемые на протяжении ряда последних лет воспоминания и рассказы, в которых описывается традиционное празднование Ильина дня жителями Кирилловского района Вологодской области (с. Феропонтово, д. Плахино, д. Борбушино и др.), а также привлекаются полевые наблюдения, записи, сделанные во время праздника «Ильинские гуляния» (организатор праздника – Музей фресок Дионисия в с.

¹ Драчева Ю. Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2019. – С. 10–11.

² Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – Москва: Академия, 2003. – 128 с.

Ферапонтово) на территории музейного комплекса «Цыпино» в Кирилловском районе Вологодской области (в частности, записи, выполненные во время этого праздника 6 августа 2016 г.).

Основная часть

1. Понятие прототипа как проблема современной когнитивной лингвистики

Изучение прототипов применительно к лингвистике концентрируется в рамках западной когнитивной семантики (труды Э. Рош, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, А. Вежбицкой и др.), когнитивной грамматики (работы Э. Ленгекера и др.), а также в рамках отечественной когнитивной лингвистики (исследования Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова и др.). Теория прототипа продолжает развиваться в лингвистике, психологии, философии, поэтому в настоящее время мы, вслед за Дж. Лакоффом, говорим только о поиске «разумной версии теории прототипов»¹.

В обыденном понимании под прототипом подразумевается оригинал, феномен действительности, послуживший основой для формирования образа, но более точно было бы сказать, что с учетом внутренней формы слова «первый образ» (от др.-греч. *πρῶτος* – «первый» и *τύπος* – «отпечаток, оттиск») прототип осмысливается как некий прообраз, первообраз. Например, согласно экспериментальным исследованиям, дом в деревне «для многих людей является абстракцией категории объектов, известных как “дома”»², прототип «треугольности» задействуется в ходе опознания геометрических фигур³. Таким образом, прототип представляется инвариантом, эталоном или прообразом того или иного вторичного явления.

Прототип выделяется либо как «идеальный», либо как «типичный» образец своей категории. Так, согласно «Краткому словарю когнитивных терминов», существует два вида прототипов: единицы, проявляющие «в наибольшей степени» свойства, общие с другими единицами группы, и единицы, «реализующие эти свойства в наиболее чистом виде»⁴. Внешнее проявление прототипичности описывается следующим образом: «Прототипичность проявляется в том единодушии, с которым носители языка характеризуют значение языковых единиц (например, отдельных слов) в отрыве от контекста. Например, характеризуя значение предлога *на*, показывают на поверхность <...>. Такое значение демонстрирует лучший образец категории»⁵. Кроме того, Э. Рош доказала, что одни представители категории могут быть более типичными, чем другие (так, *нож* и *винтовка* – более типичные образцы *оружия*, чем *пушка* и *дубина*), и что тенденция к формированию прототипа той или иной категории возникает тогда, когда степень типичности объектов для своей категории различна⁶.

¹ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 195.

² Кордуэлл М. Психология: А–Я: словарь-справочник. – Москва: Фаир-пресс, 2000. – С. 254.

³ Солсо Р. Когнитивная психология. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. – 589 с.

⁴ Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 140–145.

⁵ Там же.

⁶ Солсо Р. Когнитивная психология. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. – С. 227.

Прототип является частью репрезентации знания и в некоторых работах может коррелировать с понятием стереотипа. Например, И. П. Меркулов характеризует прототипы как «стереотипные образные репрезентации», существующие в структуре человеческого знания и памяти наряду с семантическими сетями и фиксирующие «перцептивно выделяющиеся свойства некоторых типичных, “образцовых” примеров нечетких понятий»¹. Так, обследованная Д. Норманом группа школьников определяет «идеальное животное» (идеальный, типичный представитель своего типа, с максимально выраженными характеристиками категории) как «что-то вроде волка или собаки», причем людей и птиц к животным не относят². Прототип также рассматривается как «“отмеченный” образец, наиболее “репрезентативный” пример понятия, фиксирующий его перцептивно выделенные, типичные свойства», которые «в случае нечетких, “размытых” понятий» являются важнейшим элементом их содержания³.

Термин «прототип» продуктивно используется в рамках анализа языковых единиц. Например, исследуя семантику естественного языка в плане номинации человека (личные имена), А. Вежицкая пишет, что «в именах типа *Катя* дружеское отношение включено в их прототип, а в именах типа *Лидя* – нет»⁴, при этом прототипы понимаются как «основные точки отсчета в пространстве человеческих взаимоотношений»⁵.

По мнению Дж. Лакоффа, исследования Э. Рош и ее последователей представляют собой результат изучения «прототипических эффектов» в языке. Прототипический эффект – это «асимметрия между членами категории». Так, градуированный прототипический эффект, по Дж. Лакоффу, заключается в том, что «одни члены категории являются лучшими примерами категории, чем другие»⁶. Говоря о семантике слов и новых, прототипических, подходах к их категоризации, Дж. Лакофф понимает под прототипом «лучшего представителя» своей категории⁷, описывает прототипические эффекты как представления о лучших и худших образцах на примере лексем *холостяк*, которая категоризируется по отношению к идеальной модели брака и соответствует Аристотелевой логике, но в реальном контексте, более сообразном нашему знанию о мире, размывается (ср.: *Холостяк ли Папа Римский? Холостяк ли Гарзан?*).

Еще один известный пример из работ Дж. Лакоффа указывает на основные отличия прототипической модели от стереотипической, но комбинирует их в одну когнитивную структуру. Исследователь выделяет два вида когнитивных моделей матери: во-первых, как кластер (пучок) сходящихся (конвергентных) когнитивных моделей (*биологическая мать; женщина, которая воспитывает ребенка; женщина, которая замужем за отцом ребенка* и другие признаки); во-вторых, как стереотипную мо-

¹ Меркулов И. П. Когнитивная эволюция. – Москва: РОССПЭН, 1999. – С. 80.

² Меркулов И. П. Когнитивная эволюция. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 311 с.

³ Там же. – С. 80–81.

⁴ Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – Москва: Русские словари, 1996. – С. 143–144.

⁵ Там же. – С. 193.

⁶ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 84–85.

⁷ Там же. – С. 21.

дель, представляющую собой «метонимическую модель, в которой субкатегория матери-домохозяйки замещает всю категорию в целом и определяет культурные ожидания». Обе модели входят в «структуру с составным прототипом», определяющим «структуру репрезентативности внутри категории»: чем ближе характеризуемая женщина к прототипу, тем более она репрезентативна как пример матери. Таким образом, лучший образец матери – это «биологическая мать, которая ведет домашнее хозяйство и растит ребенка, не работает за плату и замужем за отцом ребенка»¹.

Применение теории прототипа на уровне текста связано с анализом концептов, стереотипов, фреймов и других когнитивных представлений. Основой для анализа становятся так называемые прототипные образы, существование которых подтверждается наличием «многочисленных стандартных ассоциативных реакций: великий русский поэт – *Пушкин*, часть лица – *нос*, великая русская река – *Волга*, домашняя птица – *курица*»².

На текстовом уровне теория прототипа как способа категоризации используется в трудах М. Снелл-Хорнби. В работе «Переводческие исследования. Интегрированный подход» (1988 г.) исследователь описывает свою систему классификации текстов, основанную не на типологии, а на прототипологии, при этом прототип рассматривается как центр некоей категории без четких границ, а периферия плавно переходит в другие категории. Прототипология текстов представлена двумя полюсами: на одном расположены Библия, античные произведения, классика, лирическая поэзия, детская литература, драматургия и современная беллетристика; на другом – технические тексты, а между полюсами помещены газетно-информационные тексты, рекламные объявления, а также юридические, экономические и медицинские тексты³.

На уровне текстовой структуры могут быть выделены так называемые прототипы-образы и прототипы-схемы. Как пишет В. А. Марьянчик, прототипы-образы «на первый план выводят представления об объектах, а на второй – представления о связях», «служат базой для таких когнитивных структур, как фреймы, концепты, гештальты», «на вербальном уровне предстают в виде аксиологически маркированных, образных номинаций»; прототипы-схемы «выводят на первый план представления о связях предметов и явлений» при когнитивной обработке действительности, «реализуются в форме динамических фреймов, сценариев», «вербально выражаются на семантико-синтаксическом уровне, в структуре нарратива»⁴. Под прототипичностью исследователь понимает объединение «типичных событий и ситуаций, делаая предсказуемой интерпретацию нового факта»⁵.

Возникает вопрос о соотношении прототипа и концепта, который разрешается в работах отечественных когнитивистов. По мнению Н. Н. Болдырева, прототип пред-

¹ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 117.

² Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – С. 76.

³ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – Москва: ЭТС, 2002. – 424 с.

⁴ Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. – Архангельск: Кира, 2013. – С. 10–11.

⁵ Там же. – С. 19.

ставляет собой «концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание»¹. Исследователь рассматривает прототип как концептуально-простой тип формата знания, подразумевая под последним «определенную форму организации и представления знания на мыслительном (концептуальном) или языковом уровне»², т. е. прототип – «это категориальный концепт, дающий представление о типичном члене определенной категории»³. Давая подобное определение, Н. Н. Болдырев относит к прототипам как концептуальным структурам знания типичные примеры, идеалы, образцы, социальные стереотипы. На основе прототипов (опорных точек – по Н. Н. Болдыреву, или когнитивных точек референции – по Э. Рош) человек категоризирует и интерпретирует знания об окружающем мире (например, *наполеоновские планы*⁴). Однако эта категоризация имеет простой (элементарный) характер, поскольку прототипы обладают ограниченным набором «предсказуемых» характеристик. Значимость прототипа в построении концептуальной структуры также подчеркивается тем, что Н. Н. Болдырев выделяет когнитивный механизм прототипизации как один из общих способов категоризации и репрезентации объектов окружающей действительности⁵.

Прототип приравнивается к концепту и в работах А. Л. Шарандина, считающего необходимым разграничить прототип и инвариант как ментальные репрезентации⁶. Изучая методологические особенности понятия «инвариант» («неизменная содержательная сущность, которая остается сама собой в ходе различных преобразований»; «ментальная единица, отражающая родовые отношения между предметами и явлениями действительности»), исследователь приходит к выводу о том, что инвариант представлен родовым понятием и направлен на выявление общего, того, что объединяет варианты в один класс, а прототип реализован тем или иным конкретным типом, видом и т. д., это позволяет «определить существенные признаки объекта с целью выявления лучшего образца своего класса»⁷.

Таким образом, если расширять использование теории прототипа и переходить от анализа языкового значения к анализу вербально выраженных репрезентаций (текста, поликодового текста) в медиа, то для категоризации объектов в рамках медиаопосредованной поликодовой системы важной является возможность прототипа отметить даже нечеткий в плане категоризации объект как относящийся к той или иной группе объектов. Восприятие медиатекста как текста, задающего аудитории

¹ Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 32.

² Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – Москва: Издательский дом ЯСК, 2019. – С. 82.

³ Там же. – С. 56.

⁴ Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – Москва: Издательский дом ЯСК, 2019. – 480 с.

⁵ Там же. – С. 405.

⁶ Шарандин А. Л. Прототип как концепт и средство познания // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – С. 323–333.

⁷ Шарандин А. Л. Методологический статус понятий «инвариант» и «прототип» в современной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4 (29). – С. 125–126.

критерии категоризации объектов действительности, позволяет нам ставить вопрос о прототипе медиатекста.

Под прототипом в данной статье мы понимаем вербально выраженный способ репрезентации знаний, максимально полно характеризующий специфические свойства феномена объективной действительности. Прототип как «идеальный образец категории» признается недостижимым для анализа и сопоставления, поскольку приравнивается к феномену объективной действительности, собственно и являясь этим феноменом. Вербальная же репрезентация дает нам необходимую базу для сопоставления, поскольку в разной степени аутентичности и полноты содержит прототип как «типичный образец категории». Применительно к медиадискурсу можно говорить о возможности существования вариантов прототипа того или иного объекта окружающей действительности и о формировании на их основе инварианта. Множественность представлений медиаобраза того или иного объекта приводит – что подтверждают многие исследователи – к его стереотипизации.

Анализ прототипа медиаобраза предполагает:

- 1) выделение в когнитивной структуре прототипа совокупности признаков – общих характеристик прототипируемого объекта действительности на уровне научного описания;
- 2) установление в когнитивной структуре прототипа совокупности признаков – конкретных характеристик прототипируемого объекта действительности на уровне обыденного восприятия;
- 3) определение иерархии признаков в прототипе: выделение определяющих (доминантных) и характеризующих черт;
- 4) выявление доминантных и характеризующих признаков в структуре медиаобраза;
- 5) описание динамики развития когнитивной структуры медиаобраза в ее сопоставлении со структурой прототипа.

2. Образ Ильина дня в научном описании и в рассказах информантов как прототип медиаобраза

В системе научного знания образ Ильи-пророка и особенности празднования дня его памяти исследуются как элемент библейской истории и церковного предания¹, фольклора², как составная часть «народного православия», вербализованная в диалектной лингвокультуре³ и народной агиографии¹, а также как база для вторичных трактовок этого образа в современных медийных практиках².

¹ Саенкова Е. М. Илья // Православная энциклопедия / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/389301.html> (дата обращения: 10.06.2020).

² Агапкина Т. А. Ильин день // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под редакцией Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1995–2014. – Т. 2. – С. 402–405; Белова О. В. Св. Илья // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под редакцией Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1995–2014. – Т. 2. – С. 405–407.

³ Андреева О. Н. Семантика календарного праздника в честь святого Ильи-пророка: На общерусском фоне и материале тамбовских говоров: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов: [б. и.], 2003. – 223 с.; Добровольская В. Ильин день: до обеда лето, а после обеда осень //

Наше внимание в основном уделяется образу (и медиаобразу) собственно Ильина дня, но следует обратиться к толкованию и фигуры Ильи-пророка в источниках. Основные характеристики Ильи-пророка в ветхозаветном предании таковы: это один из ветхозаветных пророков (память которого совершается 20 июля по ст. с. / 2 августа по н. ст.), его имя переводится как «Бог мой Господь», что «выражает основное содержание служения Илии <...>, ревностно боровшегося за поклонение единому Богу и своими делами являвшего Его могущество»³. Источники предлагают описание внешности пророка (носил волосяную одежду с кожаным поясом⁴), повествование о пророческом служении Илии в условиях распространения культа Ваала, о многочисленных совершенных им чудесах и чудесных событиях, которые с ним происходили (ворон приносил ему пищу; Илия воскресил сына вдовы; во время засухи Илия соорудил жертвенник, уничтоженный по его молитве огнем с неба в подтверждение того, что Яхве – Бог истинный; Бог обратился к Илии после сильного ветра, землетрясения и огня в «веении тихого ветра», Илия был вознесен на небо в огненной колеснице и т. д.⁵).

С образом Илии связываются эсхатологические ожидания: пророк будет послан к людям перед концом мира, чтобы приготовить живущих к Божью суду и мессианской эре⁶. В новозаветном предании, в Евангелии, указывается, что многие воспринимали Иисуса Христа как нового Илию (и в дальнейшем в творениях отцов Церкви приводятся аллегорические и из жизни пророка Илии как прообраза земной жизни Иисуса Христа). Однако «для Иисуса и Его учеников Иоанн Предтеча является пришедшим Илией, который своим появлением свидетельствует о начале мессианской эры»⁷.

Культ Ильи-пророка не был однозначно привязан к конкретной дате и характерен для разных религий, он начал складываться еще до распространения христианства на основе иудейских легенд⁸. Позже, «с распространением христианства в Римской империи культы бога солнца Гелиоса, громовержца Зевса и Аполлона-Феба трансформировались в почитание Илии»⁹. Сближение основано на двух элементах биографии пророка: ниспослание дождя и восхождение на небо на огненной колеснице¹.

Народное творчество. – 1996. – № 4. – С. 29–30; Дубровина С. Ю. Народное православие на Тамбовщине (опыт этнолингвистического словаря). – Тамбов: Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – 171 с.; Дубровина С. Ю. Представления об Илье-пророке в традиционной культуре Тамбовщины // Живая старина. – 2002. – № 1. – С. 29–33.

¹ Мороз А. Б. Народная агиография: источники, сюжеты, нарративные модели: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва: [б. и.], 2010. – 428 с.

² Драчева Ю. Н. «Лингвистический код» современных народных гуляний // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 6 (75). – С. 74–78.

³ Саенкова Е. М. Илия // Православная энциклопедия / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/389301.html> (дата обращения: 10.06.2020).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

це¹. Источники также указывают и на сходство имен Гелиоса и Илии (“Ἥλιος и Ἥλιος”), на обстоятельства культа Зевса как «приносящего дожди»². Греки молились Илии «о дожде, об урожае и о защите от удара молнии. Считали, что раскаты грома происходят от колесницы пророка, а землетрясения вызваны его гневом»; по погоде в его праздник судили о будущей зиме («если 20 июля в полдень небо будет ясным, то зима будет мягкой, если будет покрыто облаками – суровой»), девушки гадали о женихах³.

У южных славян отмечается народный, низовой характер почитания Илии как повелителя природных явлений и стихий, защитника от грома и пожаров. В Ильин день запрещались все домашние и сельскохозяйственные работы, это был праздник плодородия и брачных ожиданий: молились об урожае, а девушки – и о замужестве. После Ильина дня следовало ждать дождей, а также объявлялся запрет на купание⁴.

На Руси Илия стал одним из самых любимых святых, о чем свидетельствует распространенность его изображений в иконописи⁵, но многие характеристики праздника Ильин день и трактовки образа пророка совпадают с общеславянскими. Народные легенды описывают солнце как колесо от колесницы Илии; пророк карает грешников, принимает на себя функции св. Георгия (покровителя охоты); он хозяин грома, молний и дождей, истребитель нечистой силы, податель урожая и приплода скота⁶.

Развитие образа Илии в народной агиографии происходит на основе отождествления святого и времени праздника, посвященного ему. Например, это проявляется в нарративах о взаимодействующих днях календаря (*Илья к Макарию на пиво поехал* – о грозах в период с Ильина до Макарьева дня)⁷. Для «народного православия» характерна деформация номинативных единиц (например, имени святого (*Илюшка*), приложения к имени святого (*Ильи-пророки*), названия праздника (*Пророк Ильин день*, *Громовки*, *Обливушки*))⁸. С. Ю. Дубровина отмечает, что для народного поклонения пророку Илии были важны такие составляющие, как запрет на работу; запрет на купание в открытых водоемах; связь с громом, молнией, дождем и пожаром; огненная колесница («коляска» Илии), поездки на которой объясняются в метеорологическом ключе; молитвы об урожае; изменение качества воды (вода охлаждается или портит-

¹ Саенкова Е. М. Илия // Православная энциклопедия / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/389301.html> (дата обращения: 10.06.2020).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Белова О. В. Св. Илья // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под редакцией Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1995–2014. – Т. 2. – С. 405–407.

⁷ Мороз А. Б. Народная агиография: источники, сюжеты, нарративные модели: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва: [б. и.], 2010. – С. 357.

⁸ Дубровина С. Ю. Представления об Илье-пророке в традиционной культуре Тамбовщины // Живая старина. – 2002. – № 1. – С. 29.

ся); страх гнева святого¹. Отмечается отождествление пророка Илии и языческого бога Перуна, замещение последнего образом христианского святого², что позволяет исследователям прийти к выводу о том, что «народная вера создала свой портрет пророка»³.

В целом к Ильину дню «приурочено множество верований, мифологических представлений, календарных и хозяйственных примет, запретов»⁴, которые повлияли на особенности поведения людей в этот день. Так, в России в Ильин день совершались молебны в поле, в церквях и часовнях, посвященных Илье-пророку; крестьяне могли поститься неделю до праздника; дом и постройки окуривали ладаном; выносили из дома или прятали все блестящие предметы (зеркала, самовары), чтобы избежать гнева пророка Ильи⁵. Окружающий мир также менялся в этот день. Например, представление о разгуле диких зверей отразилось в названии ильинской недели как *звериной недели* в вологодских говорах (медведь преследует скот в лесу)⁶. Праздник мог сопровождаться коллективной трапезой жителей соседних сел; закланием животного, выкормленного сообща; варением для всех пива (*мирское пиво*) из зерна, принесенного жителями деревни⁷; обрядом «новой новины» (освящались плоды нового урожая, мед, хлеб из зерна нового урожая); проведением молебнов с выносом столов; дожиночным обрядом («завивание бороды» – намеренное оставление колосьев на поле); обрядом обливания водой⁸.

Особое место в структуре календарного праздника «Ильин день» О. Н. Андреева отводит собственно празднованию⁹. Исследователь на материале Тамбовских говоров моделирует следующую структуру праздника: а) подготовка к празднеству; б) приготовление пищи; в) посещение церкви; г) домашние молитвы, обращенные к Илье-пророку; д) общая трапеза; е) гуляние молодежи (реже – стариков) на улице; ж) ужин; з) гуляние молодежи до утра¹⁰.

Наше исследование основано на описании празднования Ильина дня жителями Кирилловского района Вологодской области. Это описание формируется в двух

¹ Дубровина С. Ю. Представления об Илье-пророке в традиционной культуре Тамбовщины // Живая старина. – 2002. – № 1. – С. 29–33.

² Белова О. В. Св. Илья // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под редакцией Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1995–2014. – Т. 2. – С. 405–407; Дубровина С. Ю. Представления об Илье-пророке в традиционной культуре Тамбовщины // Живая старина. – 2002. – № 1. – С. 29–33.

³ Дубровина С. Ю. Представления об Илье-пророке в традиционной культуре Тамбовщины // Живая старина. – 2002. – № 1. – С. 32.

⁴ Агапкина Т. А. Ильин день // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под редакцией Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1995–2014. – Т. 2. – С. 402.

⁵ Там же. – С. 402–405.

⁶ Там же. – С. 404.

⁷ Там же. – С. 402–405.

⁸ Андреева О. Н. Семантика календарного праздника в честь святого Ильи-пророка: На общерусском фоне и материале тамбовских говоров: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов: [б. и.], 2003. – 223 с.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – С. 160.

временных планах: плане прошлого, соответствующего традиционному народному восприятию праздника, и плане настоящего, отражающего современный опыт участия в реконструированном массовом празднике – «Ильинские гуляния».

В основном фреймовая структура прототипа Ильина дня соотносится со структурой календарного праздника в работе О. Н. Андреевой¹. Ильин день – это главный церковный праздник жителей прихода церкви Ильи Пророка на Цыпине. В прошлом в этот день крестьяне с утра бывали на службе в самой церкви или в поставленных в отдельных деревнях ее часовнях, а вечером устраивали гуляния – с песнями, плясками, играми, драками и проч. Местные жители отмечали, что к этому дню приберегали нарядную одежду и обувь, готовили праздничные кушанья (холодец, пироги и др.), варили пиво / сусло, ждали в гости близкую и дальнюю родню. Особенностью Ильина дня был запрет на купание или какую-либо другую активную деятельность на воде – считалось, что в день праздника с человеком на воде могут случиться серьезные неприятности. Старожилы говорили, что в Ильин день очень часто в середине дня бывают грозы.

Рассказы информантов раскрывают специфические черты этого события, его характеристики как важного для этой местности церковного праздника (престольного праздника, поскольку неподалеку была церковь Ильи-пророка) и народного праздника (гуляний), ср.: *«Ильин день – это наш деревенский праздник, к нам на гулянку к Ильину дню собирались: и Корела, и Барщина, и Волок. Наша церковь была на Цыпине, Ильи пророка. К Ильину дню уж вся родня собиралась, гулянка по деревне, с гармоньей, все поют, пляшут. Я на Ильин день плюшки всё пекла. Бабы все пироги ставили»* (Анна Алексеевна Шаброва, 1911 г. р., запись сделана в 1999 г.); *«На Ильин день на Цыпину уж надо! К церкви, там гулянье будет. Ну, не так, чтобы гулянье – местные, кто жив, соберутся, могилки проведать, поговорить, повидаться. Так, к обеду, к 12 часам уж принаравливаются»* (Николай Павлович Шабров, 1938 г. р., запись сделана в 2017 г.). Отметим, что в местном произношении название праздника сливалось в одно фонетическое слово: *Илиндень, Ильиндень, Ильинадни*, что не воспроизводится при расшифровке записей речи жителей.

Особое место в рассказах информантов занимает мотив поминовения усопших, посещения могил умерших родных, поскольку праздник начинался с того, что жители приходили в церковь, а затем шли на находившееся поблизости кладбище, ср.: *«В Цыпине могилка наша у самой церкви, там куст большой посажен, да и обихаживаем мы каждый год, приезжаем, а то бы, как другиё, сравняли, а нашу не тронули – обошли. Я серебрянки купила, подкрасить надо, съездить бы пораньше, к Ильину дню народ придёт – а у нас всё по-людски обделано! Всё-таки отец не последний человек был, председатель колхоза!»* (Ольга Павловна Мышина, 1940 г. р., запись сделана в 2020 г.); *«Олексей, вы пойдитё, дак и меня беритё. Я у Цыпиной-то, поди, года три не была. У нас мама не там повалёна, и папа не там, дак нас робята возят на кладбишишо. А к Цыпиной дак я бы так съиздила, поглядела – кто*

¹ Андреева О. Н. Семантика календарного праздника в честь святого Ильи-пророка: На общерусском фоне и материале тамбовских говоров: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов: [б. и.], 2003. – 223 с.

ишию живой-то?» (Нина Николаевна Бакланова, 1941 г. р., запись сделана в 2017 г.).

В рассказы о празднике включаются и те негативные явления, которые сопровождали народные гуляния, ср.: *«В Ильин день к нам все на гулянку собирались, лет с пятнадцати ходили, и которые побольше, и малолетки с ими. Толя вон Гусев, маленький ишию был, дак с ножиком, драка когда, подлезет да кого куда тыкаёт, до куда достанёт. Я помню, каждый раз на Ильин день драка, каждый раз кого-то убьют ли, порежут ли, вот какие были дикие! В домах не сидели – всё по улице, да с гармоньёй, к часоуенке спустятся, а потом назад идут, песни поют, пляшут. В каждом доме пироги были, мама вон плюшки всё пекла. Тёта Валя приходила с Поповского, отовсюду ко всем приходили – много народу гуляли, весело! Ну, и дрались, конечно! Парень один, два дня оставалось, в армию уж повестка дадена была, а девка была одна, с ним пошла, а гуляла-то с другим, дак тот словечка не сказал – пырнул его ножиком, прямо в сердце попал. Мы подбежали – а уж посинел! Дак тому, который пырнул, двадцать годов тюрьмы дали»* (Ольга Павловна Мышина, 1940 г. р., запись сделана в 2020 г.).

Запрет на купание мог интерпретироваться информантами – жителями Вологодской области – безотносительно к реальности негативных последствий и их пониманию, например: *«С Ильина дни уже всё, не купаютсё, вода остывает. Это урочный день, в воду не суйсё! Все тонут, или гроза будёт. Обязательно уж будёт гроза! До Ильина дни робятёшка купались, а уж с Ильина дни всё»* (Анна Алексеевна Шаблова, 1911 г. р., запись сделана в 1999 г.); *«Не знаю, почему – не положено было в Ильин день купаться, урочный был день, не купались. И, говорят, лодки тонули, вообще с водой были шутки плохи!»* (Ольга Павловна Мышина, 1940 г. р., запись сделана в 2020 г.).

В других районах Вологодской области запрет на купание был связан с паразитом – «конским волосом», ср.:

«–Так август! Теперь конский волос плывёт!

– Какой конский волос?

– *Ну, говорица, что какой конский волос какой-то. Фсё раньше нас тоже стращали.*

– Так это чего такое-то?

– *Не знаю я чево и сама!*

– Откуда, бабушка, конский волос?

– *Я и сама не знаю. То говорят, штё нельзя купаца. После фторого августа, после Ильина дня нельзя купаца. Написано ф численнике»* (Нина Дмитриевна Шиловская, 1938 г. р., уроженка д. Липово Никольского р-на Вологодской области).

В вологодских говорах сохраняются отдельные фрагменты представлений об Ильине дне, например: *Ильюша ярится* в значении «О сильной грозе в Ильин день», ср.: *Гроза-то сколь сильна! Ильюша что-то ярится*¹. Отмечается важность Ильина дня для календаря сельскохозяйственных работ: *От Петрова дни до Ильина дни –*

¹ Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт; Вологодский государственный педагогический университет, 1983–2006. – Вып. 12. – С. 137.

это большой уповод¹; Вот Ильин-то день пройдёт – дак и будем порушивать овечь².

Современные представления о том, как следует проводить Ильин день, воплощаются в реконструкции народного праздника «Ильинские гуляния». Жители по-прежнему собираются у церкви, стараются увидеться со знакомыми, посетить могилы умерших родных, но стихийный характер народных гуляний комбинируется с распланированным сценарием современного массового праздника. В настоящее время в него включены элементы воспитательной и образовательной (краеведческой) направленности (например, выставка старинных фотографий из архива семьи Бриллиантовых, экскурсии по территории музейного комплекса, посещение Ильинской церкви, реконструкция псовой охоты); элементы, связанные с возрождением традиционной народной культуры и ремесел (например, выставка старинных предметов быта, выступление фольклорных коллективов, выставка работ мастеров народных художественных промыслов, мастер-классы по гончарному и кузнечному делу, берестоплетению, кружевоплетению и проч.); элементы, выполняющие образовательную функцию и относящиеся к сфере искусств (например, художественный конкурс «Ильинский пленэр», музыкально-поэтический салон «Гармония»); элементы, выполняющие развлекательную функцию (например, исполнение популярных музыкальных композиций, шоу мыльных пузырей, конкурсы на лучший пирог и домашнее варенье)³.

Таким образом, в когнитивной структуре прототипа медиаобраза Ильина дня на четко ограниченной территории – Кирилловском районе Вологодской области (а точнее, в районе музейного комплекса «Цыпино», села Ферापонтово, деревень Плахино и Борбушино) можно выделить такие доминантные признаки, как отнесенность праздника к образу Ильи-пророка; преломление образа ветхозаветного пророка Илии в народном сознании как святого, значимого для круга сельскохозяйственных работ севернорусского крестьянина и метеорологических примет; привязка к конкретному локусу – Ильинской церкви; традиция посещения кладбища в этот день. К характеризующим признакам относятся значимый запрет на купание, ожидание грозы в Ильин день в случае нарушения запретов, общая торжественность и коллективный характер празднества. Сопоставление с анализом прототипируемого объекта действительности на уровне научного описания позволяет маркировать многие черты праздника как незначимые или утратившие свою значимость для данной территории (например, обряды, связанные с блестящими или сверкающими предметами). С другой стороны, некоторые особенности праздника трансформировались в массовых гуляниях в новой форме. Так, бесплатная коллективная трапеза превратилась в возможность поесть на улице за плату (чай, выпечка и проч.) во время «Ильинских гуляний», хотя традиция отчасти сохраняется в форме «мирской каши».

¹ Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт; Вологодский государственный педагогический университет, 1983–2006. – Вып. 11. – С. 133.

² Там же. – Вып. 7. – С. 167.

³ Драчева Ю. Н. «Лингвистический код» современных народных гуляний // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 6 (75). – С. 74–78.

3. Медиаобраз Ильина дня в региональных средствах массовой коммуникации как отражение динамики когнитивной структуры прототипа

На региональном уровне в структуре медиаобраза Ильина дня выделяются несколько доминантных признаков. Одной из ведущих черт является привязка медиаобраза к локусу – церкви, причем в материалах приводится подробное описание локуса, ср.: *«Предшествовать празднику будет Крестный ход от церкви Нила Сорского в селе ФерAPONTOVO до Цыпинского погоста, где расположена недавно отреставрированная деревянная церковь Ильи Пророка – памятник истории и культуры федерального значения»* (Источник: «Ильин день отпразднует Кирилловский район», портал “35media.ru”, 29.07.2011). Возможно, именно локус определяет второй важный признак медиаобраза – подчеркнута православный характер праздника, ср.: *«Пророка Илью, известного своими чудесами во славу христианской веры, вспоминают сегодня, 2 августа, православные»* (Источник: Воронович С. «Ильин день отмечают православные вологжане», портал “vologdaregion.ru”, 02.08.2019).

Доминантной чертой для местных СМИ является отсутствующая в прототипе событийная составляющая, которую можно условно обозначить как «Крестный ход к Ильинской церкви», ср.: *«Крестный ход, молебен и освящение вод Ильинского озера собирает ежегодно немало людей, желающих почтить память угодника Божия и принять участие в этом торжестве»* (Источник: «Ильин день в ФерAPONTOVO», сайт “ferapontovo.ru”, 02.08.2016).

К характеризующим признакам медиаобраза Ильина дня отнесем подчеркивание и популяризацию фрагментов традиционной народной культуры как обязательные элементы празднества, ср.: *«Всем гостям, пришедшим на праздник в народной одежде, будут вручены поощрительные призы»* (Источник: «Ильин день отпразднует Кирилловский район», портал “35media.ru”, 29.07.2011), а также в целом положительную оценку этого праздника, его несколько «лубочное» отображение, ср.: *«В XVIII веке Ильинский приход включал в себя 35 деревень, и в каждой было не по одной сотне жителей. Начался Ильин день службой в Ильинской церкви, которая завершалась водосвятным молебном на Ильинском озере. Затем праздник продолжался посиделками, угощением, пением песен, общей мирской кашей и воспоминаниями. Это был момент недолгого отдыха во время летней страды: сенокос почти завершен, а сбор урожая еще не начался. Лет двадцать назад были живы старики, которые еще помнили этот приходской праздник, его особую атмосферу»* (Источник: «Мирская каша и спуск ладьи на воду: в Цыпино пройдут традиционные Ильинские гуляния», портал “cultinfo.ru”, 23.07.2019).

Еще одной характеризующей чертой современного медиаобраза Ильина дня является образ Ильи-пророка, который описывается как ветхозаветный пророк, ср.: *«По преданию, Илья был противником идолопоклонничества и обличал всякое нечестие. Считается, что он был взят на небо живым: огненная колесница примчалась с неба за ним и унесла»* (Источник: Паклянова Ю. «Ильин день», портал “vologdaportal.ru”, 02.08.2012).

Декларируемый православный характер праздника часто вступает в противоречие с контентом медиатекста, включающим в себя языческие представления, народные приметы и проч., ср.: *«С праздником было связано немало примет: если на Илью сухо – жди лесных пожаров. Попасть под дождь считалось хорошим знаком – та-*

ким образом человек запасается здоровьем на целый год. А дождевую воду в этот день наши предки собирали и хранили, наделяя ее целебной силой» (Источник: Воронич С. «Ильин день отмечают православные вологжане», портал “vologdaregion.ru”, 02.08.2019); «Считалось, что именно 2 августа Илья пророк бросает в воду льдинку и она становится холодной. С этого дня люди переставали купаться. Это верование актуально и в наше время» (Источник: Паκлянова Ю. «Ильин день», портал “vologda-portal.ru”, 02.08.2012).

В зависимости от целевой аудитории издания может регулироваться соотношение следующих элементов в медиаобразе Ильина дня: общеобразовательной информации (Библия, Ветхий Завет), краеведческой информации (Ильинская церковь, музейный комплекс «Цыпино»), религиозной (православной) направленности праздника (святой Илья). Особенно ярко на лексическом уровне в медиатексте проявляется отсутствие или присутствие религиозной составляющей. Так, фиксируется повышенное содержание лексических единиц, относящихся к полю православной лексики (*угодник Божий, литургия, подворье* и др.) в тех материалах, которые освещают событийный элемент праздника (крестный ход). Кроме того, информационные ресурсы, ориентированные на воцерковленную аудиторию, могут включать в себя книжную, архаичную лексику, ср.: «В день памяти пророка Божия Илии в церкви преподобного Мартиниана Ферапонтова монастыря была совершена праздничная служба. Ветхозаветного праведника Илию всегда почитали на Руси и молитвенно обращались к нему» (Источник: «В Ферапонтове отпраздновали Ильин день», сайт Вологодской митрополии “vologda-mitropolia.ru”, 04.08.2015).

Даже в «светских» по характеру медиатекстах происходит сдвиг в антропонимических характеристиках главной фигуры праздника: *Илья, Илья-пророк* → *пророк Илья* → *пророк Илия*, что может свидетельствовать об изменениях в когнитивной структуре прототипа Ильина дня, его соотносительности не с Илеей-пророком из устных народных преданий, а с ветхозаветным пророком Илией, соответствующим книжной традиции.

Специальная лексика маркирует медиатексты, созданные в сотрудничестве с музейными комплексами, расположенными на территории Кирилловского района, ср.: «Трапезную и часть церкви до юго- и северо-восточной граней восьмерика окружает “висячая” галерея – паперть, высоко от земли опирающаяся на вертикальные ряды консольно выступающих бревен сруба... Ильинский храм представлял собой руинированный объект, сохранивший только нижний восьмерик... нередко использовалось протезирование бревен: гнилая часть отпиливалась и заменялась подобранным по диаметру бревном. При этом стык выполнялся в паз и гребень с обязательной установкой нагелей, в случаях локального повреждения бревен выполнялись вставки» (Источник: Смирнов И. В. «Ильин день на Цыпиной горе», газета «Новая жизнь», 01.08.2009).

Степень варьирования уровня подачи краеведческой информации фиксируется на уровне ономастических единиц, отмечается разная их концентрация в медиатекстах, ср.: наименование праздника – *Ильинские гуляния, Ильин день*; географические названия, связанные с локусом праздника, – *Цыпино, Ферапонтово, Роскина (Цыпина) гора, Ильинское озеро, Белозерье, Вологодская область, Вологодская губерния*; названия существующих и утраченных религиозных учреждений и построек, пого-

стов и проч. – *церковь Илии Пророка, Ильинская церковь, Ферапонтов монастырь, Цыпинский погост, церковь Дмитрия Солунского / церковь Димитрия Солунского с приделом Георгия Победоносца, часовня святого Александра Невского*; географические названия, связанные с локусами гостей праздника – *Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Мурманск, Вологда, Череповец, Кириллов*; имена святых – преподобные *Кирилл и Ферапонт*; антропонимы, имеющие отношение к истории края, – семья *Бриллиантовых, Иван Михайлович Бриллиантов, Иван Иванович Бриллиантов, Агния Алексеевна Бриллиантова (Терцьева), Галина Леонидовна Чичерина (Бриллиантова)*; имена участников праздника – мастер-лодочник *Сергей Токарев / С. А. Токарев*, кузнец *Н. В. Митин*, художник *Евгений Скрынников*, имя *Илья* (в контексте «подарки юношам и мужчинам по имени Илья»); название исторического и политического события – *Октябрьская революция 1917 года*; названия элементов праздника – *Ильинский пленэр, экспозиция «Страна Родная», выставка «6905 год от сотворения мира», временные выставки и экспозиции «История семьи Бриллиантовых», «Крестыне Цыпинского прихода. Семья Рябковых», «Реставрация церкви Илии Пророка 2002–2009 годы»*; названия современных учреждений и фестивалей – *Музей фресок Дионисия, международный фестиваль «Голос Ремесел»* (Источник: Кивелев Е. А. «Ильинские гуляния на Цыпино», портал “kirmuseum.org”, 2016 г.). Заметим, что анализируемая публикация представляет именно медиаобраз Ильина дня, в ней отсутствует не только образ собственно пророка Илии, но и самостоятельно употребляемый соответствующий антропоним (не в составе наименований церкви или праздника).

Таким образом, в структуре медиаобраза престольного праздника «Ильин день» в Кирилловском районе Вологодской области наблюдаются как черты, присутствующие в прототипе (привязка к локусу – церкви Ильи-пророка, запрет на купание и др.), так и собственные характеристики (крестный ход, разнообразные элементы традиционной народной культуры, элементы дворянской культуры (псовая охота), массовой культуры (выступление творческих коллективов) и др.). Некоторые доминантные черты прототипа не переходят в медиаобраз: так, обязательное посещение кладбища (Цыпинского погоста) не включается в описание программы массового праздника «Ильинские гуляния», поскольку аудитория, которой предназначается медиаобраз Ильина дня, намного шире круга местных жителей, соблюдающих традицию поминовения усопших в этот день. Происходит трансформация образа пророка Илии как важного элемента медиаобраза: если в прототипе он представлен как святой Илья-пророк, регулирующий жизнь крестьянина через молитвенную помощь и наказания за нарушение запретов, то в медиаобразе наблюдается возвращение к библейскому образу ветхозаветного пророка.

Выводы

Медиаобраз Ильина дня на региональном уровне обнаруживает значительную степень трансформации фреймовой структуры прототипа. Медиатизация происходит на стыке книжной традиции (образ ветхозаветного пророка Илии) и традиционной народной культуры, представленной во вторичных, реконструированных формах с примесями инородных по отношению к ней элементов массовой, дворянской, пост-модернистской культур. Вторичный характер медиаобраза определяет мозаичную

подачу фактов, комбинирование элементов библейской истории, народных преданий, метеорологических примет. Прототип медиаобраза Ильина дня служит промежуточной ментальной репрезентацией опыта, вербализирующегося в региональных медиатекстах. Анализ прототипа как на основе обыденного восприятия, так и научного описания помогает обнаружить динамику когнитивной структуры концепта «Ильин день» в медиасфере. Процесс медиатизации концепта «Ильин день» приводит к упрощению его структуры и появлению в ней новых элементов. Стереотипизация возникает в ходе взаимодействия прототипа и медиаобраза (часто в форме поглощения или существенной переработки прототипа медиаобразом) как ответ на особенности представления знания в медиасреде и недостаточность верифицирующей информации прототипического характера.

Литература

Агапкина Т. А. Ильин день // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под редакцией Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1995–2014. – Т. 2. – С. 402–405.

Андреева О. Н. Семантика календарного праздника в честь святого Ильи-пророка: На общерусском фоне и материале тамбовских говоров: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов: [б. и.], 2003. – 223 с.

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – Москва: Академия, 2003. – 128 с.

Белова О. В. Св. Илья // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под редакцией Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1995–2014. – Т. 2. – С. 405–407.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – Москва: Издательский дом ЯСК, 2019. – 480 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – Москва: Русские словари, 1996. – 416 с.

Добровольская В. Ильин день: до обеда лето, а после обеда осень // Народное творчество. – 1996. – № 4. – С. 29–30.

Драчева Ю. Н. «Лингвистический код» современных народных гуляний // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 6 (75). – С. 74–78.

Драчева Ю. Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2019. – 39 с.

Дубровина С. Ю. Народное православие на Тамбовщине (опыт этнолингвистического словаря). – Тамбов: Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – 171 с.

Дубровина С. Ю. Представления об Ильи-пророке в традиционной культуре Тамбовщины // Живая старина. – 2002. – № 1. – С. 29–33.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – Москва: ЭТС, 2002. – 424 с.

Кордуэлл М. Психология: А–Я: словарь-справочник. – Москва: Фаир-пресс, 2000. – 448 с.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

Марьянич В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. – Архангельск: Кира, 2013. – 382 с.

Меркулов И. П. Когнитивная эволюция. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 311 с.

Мороз А. Б. Народная агиография: источники, сюжеты, нарративные модели: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва: [б. и.], 2010. – 428 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Саенкова Е. М. Илия // Православная энциклопедия / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/389301.html> (дата обращения: 11.05.2020).

Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт; Вологодский государственный педагогический университет, 1983–2006.

Солсо Р. Когнитивная психология. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. – 589 с.

Шарандин А. Л. Методологический статус понятий «инвариант» и «прототип» в современной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4 (29). – С. 121–127.

Шарандин А. Л. Прототип как концепт и средство познания // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – С. 323–333.

References

Agapkina T. A. *Il'in den'* [Saint Elijah's day]. *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes; ed. by N. I. Tolstoy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995–2014, vol. 2, pp. 402–405.

Andreeva O. N. *Semantika kalendarnogo prazdnika v chest' sviatogo Il'i-proroka: Na obščerusskom fone i materiale tambovskikh govorov* [Semantics of the calendar holiday in honor of St. Elijah the Prophet: by the All-Russian and Tambov dialects: PhD thesis in Philology]. Tambov, 2003. 223 p.

Anisimova E. E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaia kommunikatsiia (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Linguistics of the text and intercultural communication (based on creolized texts)]. Moscow: Akademiia, 2003. 128 p.

Belova O. V. Sv. Il'ia [St. Elijah]. *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes; ed. by N. I. Tolstoy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995–2014, vol. 2, pp. 405–407.

Boldyrev N. N. Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoi lingvistiki [The conceptual space of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 2004, no. 1, pp. 18–36.

Boldyrev N. N. *Iazyk i sistema znanii. Kognitivnaia teoriia iazyka* [Language and the system of knowledge. A cognitive theory of language]. Moscow: Izdatel'skii dom IaSK, 2019. 480 p.

Vezhbitskaia A. *Iazyk. Kul'tura. Poznanie* [Semantics, culture and cognition]. Moscow: Russkie slovari, 1996. 416 p.

Dobrovol'skaia V. *Il'in den': do obeda leto, a posle obeda osen'* [St. Elijah's day: summer before lunch, and autumn after dinner]. *Narodnoe tvorchestvo* [Folk art], 1996, no. 4, pp. 29–30.

Dracheva Iu. N. "Lingvističeskii kod" sovremennykh narodnykh gulianii ["Linguistic code" of modern festivities]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2016, no. 6 (75), pp. 74–78.

Dracheva Iu. N. *Mediaobraz lokal'noi ustnoi rechevoi kul'tury: kognitivno-iazykovye mekhanizmy* [Media image of the local oral speech culture: cognitive and linguistic mechanisms: abstract Dr. thesis in Philology]. Vologda, 2019. 39 p.

- Dubrovina S. Iu. *Narodnoe pravoslavie na Tambovshchine (opyt etnolingvisticheskogo slovaria)* [Folk Orthodox Christianity in Tambov region (ethnolinguistic dictionary)]. Tambov: Izdatel'stvo TGU im. G. R. Derzhavina, 2001. 171 p.
- Dubrovina S. Iu. Predstavleniia ob Il'e-proroke v traditsionnoi kul'ture Tambovshchiny [Understanding of Elijah the prophet in the traditional culture of Tambov region]. *Zhivaia starina* [Live old times], 2002, no. 1, pp. 29–33.
- Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moscow: ETS, 2002. 424 p.
- Korduell M. *Psikhologiia: A–Ia: slovar'-spravochnik* [Psychology: A-Z: dictionary and reference book]. Moscow: Fair-press, 2000. 448 p.
- Kubriakova E. S., Dem'iankov V. Z., Pankrats Iu. G., Luzina L. G. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A brief dictionary of cognitive terms]. Moscow: Filologicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. 245 p.
- Lakoff Dzh. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii iazyka govoriat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 792 p.
- Mar'ianchik V. A. *Aksiologicheskaiia struktura media-politicheskogo teksta (lingvisticheskii aspekt)* [Axiological structure of a media-political text (linguostylistic aspect): Dr. thesis in Philology]. Arkhangel'sk: Kira, 2013. 382 p.
- Merkulov I. P. *Kognitivnaia evoliutsiia* [Cognitive evolution]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 311 p.
- Moroz A. B. *Narodnaia agiografiia: istochniki, siuzhety, narrativnye modeli* [Folk hagiography: sources, plots, narrative models: Dr. thesis in Philology]. Moscow, 2010. 428 p.
- Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. 314 p.
- Saenkova E. M. Iliia [Elijah]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia; ed. by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia]. Available at: URL: <http://www.pravenc.ru/text/389301.html> (accessed: 11.05.2020).
- Slovar' vologodskikh govorov. Vyp. 1–12* [Dictionary of Vologda dialects. Vol. 1–12; ed. by T. G. Panikarovskaya]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut; Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1983–2007.
- Solso R. *Kognitivnaia psikhologiia* [Cognitive Psychology]. St Petersburg: Piter, 2006. 589 p.
- Sharandin A. L. Metodologicheskii status poniatii “invariant” i “prototip” v sovremennoi lingvistike [The methodological status of the notions “invariant” and “prototype” in modern linguistics]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 2011, no. 4 (29), pp. 121–127.
- Sharandin A. L. Prototip kak kontsept i sredstvo poznaniia [Prototype as a concept and means of cognition]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka* [Cognitive studies of language], 2010, no. 7, pp. 323–333.

Для цитирования: Драчева Ю. Н., Ильина Е. Н. Медиаобраз деревенского престольного праздника «Ильин день» в лингвокультурологическом и лингвоэпистемологическом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 5 (98). – С. 19–37. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-5-98-2

For citation: Dracheva Iu. N., Ilyina E. N. The media image of the village Patron Saint Elijah's day in linguocultural and linguoepistemological aspects. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 5 (98), pp. 19–37. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-5-98-2